

обратится князь, всюду он лучший из лучших, для всех он такой, каким он должен быть, с точки зрения древнерусского автора. Для одних он грозен, для других ласков, к третьим щедр, для четвертых боголюбив, к пятым приветлив. Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен во вне — к зрителю, к окружающим. И замечательно, что в „Похвале“ роду рязанских князей исчислены почти все те зрители, к которым обращена эффектная наружность князя: это бояре, приезжие, своя братья князя и греческие цари, „супостаты“ — враги, „неверные цари“, послы, духовенство. Ко всем этим зрителям — князь красен лицом, грозен и светел очами, всюду он первый в выполнении своих обязанностей: на пиру и в церкви, в битве и при приеме послов. Его облик легко обозрим, прост и впечатляющ. В многоликом идеале князя, то грозном, то приветливом и величавом, находят себе место и церковные добродетели. Качества князя соединены в его облике механически: рязанские князья и „на пирование тщивы“ и в poste прилежны, грозны и приветливы, до господарских потех „охочи“ и „срамных человек“ отвращаются, „пустошных“ бесед не творят.

Качества князей, их добродетели могут соединяться бесконечно, ибо они лишены внутренней, психологической связи. Добродетелей в князе может быть столько, сколько колец в его кольчуге. Каждая „добродетель“ обращена к зрителю, надета на нем, как доспех, механически соединена с соседней. Он окружается ими, как броней. Они — как бы его парадная одежда. Это хорошо подметил Даниил Заточник: „Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам“.¹

Еще отчетливее сравнение добродетелей князя с его одеянием в пространной посмертной характеристике волынского князя Владимира Васильковича. „Ты правдою бе оболчен, — обращается к нему летописец, — крепостью препоясан и милостынею яко гривною утварью златоу украсуся, истинною обит, смыслом венчан“.² К каждому из своих зрителей князь обращается как бы в отдельности, полностью растворяясь в окружающей его феодальной среде и становясь до предела абстрактным. „Ты бе, о честная главо, — продолжает летописец, — нагим одеяние, ты бе алчущим корьмя и жажущим во въртьпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоище, беспокровным покров, обидимым заступник, убогим обогатение, страньны приимник“.³

То обстоятельство, что добродетели механически присоединяются к другим добродетелям без внутренне объединяющей их связи, привело к легкому совмещению идеалов светского и церковного. В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тщивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие. С другой стороны, в житийных характеристиках дружинные добродетели легко присоединяются к церковным и осеняются венцом святости. Так было в характеристиках князей, погибших от татар, так было и в „Житии“ Александра Невского.

Христианское мировоззрение при изображении людей было поставлено на службу укреплению феодального строя. Оно вступало в силу по преимуществу там, где речь заходила о правовых преступлениях:

¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника. Л., 1932, стр. 16—17.

² Ипатьевская летопись, под 1289 г., стр. 607.

³ Там же, стр. 607—608.